

МЕТОДОЛОГІЯ ТА ОРГАНІЗАЦІЯ ЕКСПЕРТНО-КРИМІНАЛІСТИЧНОГО ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ БОРОТЬБИ ЗІ ЗЛОЧИННІСТЮ

УДК 347.948.2

В.В. Седнев, доктор медичинської науки, професор,
професор кафедри кримінального права і процесу
Донецького національного університета

ФАКТЫ И ФАКТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ В СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Исследованы общенаучные и правовые основы формирования учения о факте в судебной экспертизе. Рассмотрена онтология и гносеология факта в судебной экспертизе. Судебная экспертиза проанализирована как праксиология доказывания. Сформированы понятия факта, фактических данных, исходных данных, предмета исследования и объекта исследования в теории судебной экспертизы. Исследованы контекстуальные синонимы понятия судебной экспертизы в доказывании. Установлен источник возможных ошибок в заключении эксперта.

Ключевые слова: факт, теория доказательств, судебная экспертиза, криминалистика.

Досліджено загальнонаукові і правові основи формування вчення про факт у судовій експертизі. Розглянуто онтологію і гносеологію факту в судовій експертизі. Судову експертизу проаналізовано як праксеологію доказування. Сформовано поняття факту, фактичних даних, вихідних даних, предмета та об'єкта в теорії судової експертизи. Досліджено контекстуальні синоніми поняття судової експертизи в доказуванні. Встановлено джерело можливих помилок у висновку експерта.

Investigated the general scientific and legal basis for the formation of the doctrine of the fact in forensics expertise. Ontology and epistemology considered fact in forensics expertise. Forensics expertise analyzed as praxeology of evidence. Formed notions fact, benchmark data, subject of research and object of research in the theory of forensics expertise. Investigated contextual synonyms for forensic expertise for the sake of evidence. Set source of possible error in the expert's acts.

Проблема понимания, оценки и представления факта относится к числу ключевых, достаточно тщательно проработанных и вместе с тем продолжающих

вызывать полемику в современной науке [1]. В онтологическом плане фактами являются любые, не зависящие от наблюдателя, длящиеся либо свершившиеся состояния и события как составной элемент структуры объективного мира. Гносеологический анализ фактов подразумевает описание отдельных фрагментов реальной действительности определенными процедурами, в силу чего формируется некая единица достоверного знания. Аксиологическая позиция отражает идеалы и нормы науки на определенном этапе ее развития.

В.Ф. Асмус (1969 г.) рассматривал факт как элемент структуры доказательств [2]. Современные научные позиции по этому вопросу представлены в работах Ю.А. Мелкова [1], В.С. Степина [3] и других ученых. Основой этих научных позиций является выделение понятия «научный факт» как неотъемлемого элемента научного подхода, который трактуется как высказывание в форме суждения, фиксирующее объективный факт и включенное в качестве элемента в ту или иную систему научного знания [4, с. 46].

Собственными характеристиками факта как формы человеческого знания являются [4]:

- достоверность;
- способность служить основой для построения теоретической системы;
- целеположенность;
- представление в форме научной абстракции;
- инвариантность значения в различных теоретических системах;
- предназначенность для решения исследовательских задач.

Научный факт неотъемлемо связан с суждением о нем [1; 4]. М.В. Попович (1980 г.) предлагал отделить две группы понятий: факта как объективного явления и фактического предложения, которое описывает факт, несет сообщение, информацию о нем [5]. Того же мнения придерживается и В.С. Степин, формируя положение о том, что факт фиксируется в языке науки посредством фактофиксирующих высказываний, имеющих особый объективный статус [3]. Категорично в этом отношении высказывался Ч.С. Пирс: «Факт — это та часть реальности, которая отражается в одном *высказывании (proposition)*» [6, с. 235].

Существенной стороной факта является его субъективная (отражающая неустранимое влияние активной, деятельностной позиции субъекта по восприятию данных) и теоретическая (не существует фактов, не зависящих от теоретических воззрений исследователя) нагруженность [1; 3; 4].

Относительно новой, связанной преимущественно с введением в общенаучный дискурс проблематики гуманитарного знания является проблема источника сведений, формирующих факт [3]. Эту проблематику в определенной мере актуализировал В.Ф. Асмус (1969 г.), указывая на удостоверенность факта как на неотъемлемую его характеристику, по меньшей мере, как элемента аргументации и доказательства [2]. Источники факта рассматриваются как документ, содержащий определенную сумму сведений, включающую и факты, и их интерпретацию, в том числе отражающую субъективную и теоретическую нагруженность факта. Последнее остро ставит проблему достоверности источника, или, как отражение, проблему доверия к источнику.

Подытоживая краткий обзор современной трактовки понятия факта в его научном и прикладном значении, следует отметить, что, несмотря на фундамен-

тальность данного понятия, мнения ведущих специалистов в области философии познания, логики науки хотя и не противоречивы, но все же содержат ряд различий. Для дальнейшего анализа значимым является такой общий параметр гносеологического аспекта понятия «факт», как его многосоставность, включающая:

- знание об объективной реальности, инвариантное и достоверное;
- субъективную нагруженность, в том числе и теоретическую;
- источник сведений о факте.

Таким образом, далее понятие «факт» будет использоваться в следующей дистинкции (до формирования итоговой дефиниции применительно к проблеме исследования): инвариантное и достоверное сведение о фрагменте реальности, являющееся неотъемлемым элементом знания о действительности.

В пространстве правового дискурса понятие «факт» связано прежде всего с теорией доказательств как одно из неотъемлемых и ключевых [7; 8; 9; 10; 11; 12]. И хотя в представление о доказательстве вкладывается неодинаковый смысл, он при всем разнообразии в существенной мере отражает поиски наиболее релевантных формулировок исследуемого понятия — факт. Под доказательством предлагается понимать:

- определенные факты, источник фактов, сам процесс доказывания [7, с. 248];
- источник сведений о факте и собственно сам факт, обстоятельство, которое служит основой для выводов о других фактах [8, с. 160].

Данная трактовка, объединяющая в понятии доказательства его содержательную сторону (фактические данные и формальную составляющую) и процессуальное ее оформление, во второй половине XX века — начале XXI века получила наибольшую поддержку и развитие [10; 11; 12], равно как и исследование фактических обстоятельств дела, а также логическое и процессуальное обоснование определенного тезиса [13, с. 116].

Представляется знаковым, что в первые послевоенные десятилетия именно понятие «факт» представлялось исследователям ключевым для характеристик доказывания [7, с. 248, 266; 8, с. 159]. Понятие «фактические данные», которое позднее стало основным в использовании, применялось факультативно, в качестве контекстуального синонима, в том числе в таком варианте, как «фактический материал» [8, с. 159]. В некоторых работах отмечается текстово-контекстуальная синонимичность понятий «факт» и «фактические данные» с преимущественным акцентом все же на последнем [10, с. 117, 197]. В настоящее время также иногда используются контекстуальные синонимы, например, «фактические обстоятельства» [13, с. 115]. Можно считать, что такая динамика отражает не столько развитие юридической мысли, сколько движение теории познания от классической к неклассической парадигме знания, которая наиболее интенсивно наблюдалась в военные и послевоенные десятилетия [3]. Отход от использования непосредственно понятия «факт» связан с пониманием ряда обстоятельств:

- невозможность личного восприятия большинства фактов правонарушения (и сопутствующих ему), обусловленных прежде всего временным фактором [9; 10; 12];
- преимущественное получение именно транслируемых сведений о факте [9; 10; 11; 12];

– требование легитимности как источника сведений о факте, так и способа их получения [9; 10; 12].

В данной динамике также достаточно отчетливо просматривается введение фактора инструментов и личности познающего субъекта в процесс получения и передачи фактов, что характерно для неклассической гносеологии. Указанный тезис подтверждается выделением двух путей познания факта в юридической практике:

– первого — опосредованного через протоколы следственных действий в виде фактических данных;

– второго — на основе непосредственного восприятия с последующим закреплением в протоколе следственного действия [9; 10, с. 206—208].

В сравнении с общенаучной трактовкой понятия «факт», особенно современной, обращает на себя внимание особое выделение в юриспруденции источника сведений о факте и требований как к нему, так и к процедуре его использования. При этом в спецификации источника сведений о факте также нет определенности. Обоснованно критикуется существующее положение о том, что понятием источника доказательств «одновременно обозначают разные явления — виды доказательств и носителей доказательственной информации» [12, с. 74]. Скорее всего, указанный аспект отражает преломление специфики юридического доказательственного дискурса в классической парадигме знания. Следует отметить, что с такой позиции детальная проработка правовой наукой требований относительно допустимости, достоверности источника данных о факте существенно обогащает общенаучные положения о субъективной (в том числе и теоретической) нагруженности факта.

Концепт «факт» в качестве отдельной теоретической составляющей не нашел в криминалистике существенного отражения. Ответ на вопрос относительно причин такого положения дел, учитывая достаточно тщательную проработанность многих методических и методологических проблем криминалистики за последние десятилетия, очевиден — нет необходимости. Развиваясь, как и всякая прикладная наука, прежде всего с учетом потребностей практики расследования преступлений, криминалистика использует разработанные в правовом дискурсе понятия «факт» и «фактические данные» в рассмотренном выше контексте — через связь с доказательством. «Практическая ценность результатов криминалистических научных исследований зависит от того, насколько глубоко и полно науке удастся проникнуть и в сущность преступления, и в содержание процесса судебного исследования... Предметом судебного исследования является преступление... установление содержания которого составляет одну из задач доказывания. Эта задача может быть решена только с помощью фактических данных о преступлении, т. е. доказательств» [14, с. 22]. Это, конечно же, далеко не первое и отнюдь не единственное высказывание, устанавливающее связь между деятельностью по добыванию фактов в криминалистике и их использованием в установлении истины по делу в процессуальном порядке. Оно по своей сути одно из наиболее релевантных, так как в одном логико-семантическом периоде увязывает и криминалистику, и доказывание (фактически теорию доказательств) именно через факты. Подытоживая краткий обзор учения о фактах применительно к уголовно-процессуальному праву и криминалистике, следует отметить, что с науковедческих пози-

ций криминалистику можно рассматривать как науку об извлечении криминально-релевантных фактов и фактических данных из окружающего мира, а процессуальное право — как науку об использовании их для доказывания виновности искомого лица.

В судебной же экспертизе проблематика факта получает несколько иное звучание. Будучи, подобно криминалистике, праксиологическим обеспечением доказывания, судебная экспертиза использует факты как материал и одновременно формирует новые факты и фактические данные. Учение о фактах составляет существенную методологическую сторону теории судебной экспертизы, так как непосредственно соотносится с понятиями предмета и объекта судебной экспертизы. Исходя из вышеизложенного, можно предположить наличие не менее трех подходов относительно места фактов и фактических данных в экспертном исследовании, которые с учетом точек зрения исследователей выглядят следующим образом:

– факты и фактические данные являются материалом, который исследует судебный эксперт. В этом отношении существенным является вопрос о том, что же является результатом исследования. В доступной литературе такая точка зрения не зарегистрирована, что косвенно подтверждает тезис о связи судебной экспертизы и доказывания. В самом деле, если судебная экспертиза устанавливает нечто иное, нежели факты и фактические данные, то требуется и некая структурная и процессуальная схема, позволяющая использовать эти результаты. Это противоречит не только методологическому принципу редукционизма (известному как «брита Оккама»), но и принципу допустимости доказательств, так как формирует дополнительные риски искажения информации, полученной от эксперта, в ходе трансляции ее в доказательство;

– факты и фактические данные исследуются в предоставленных эксперту материальных носителях информации и на основе этого исследования устанавливаются новые факты и фактические данные [15, с. 5, 11; 16, с. 7—9; 17, с. 66—75, 84—98; 18, с. 21, 24—26; 19, с. 29, 36; 20, с. 84, с. 90; 21, с. 77, 208]. Отсюда и предмет, и объект судебной экспертизы представлены фактами и фактическими данными, требующими уточнения в каждой дистинкции: предмет — фактические данные, устанавливаемые в результате исследования на основе специальных познаний; объект — «материальные носители информации о фактах и событиях, источники получения фактических данных» [22, с. 8—9], что отражено многими авторами [15, с. 5, 11; 16, с. 9; 17, с. 66—75, 84—98; 18, с. 21, 24—26; 19, с. 29, 36; 20, с. 84, 90; 21, с. 77, 208];

– эксперт устанавливает факты и фактические данные. В этом случае значимым является вопрос о том, что он исследует. Р.Д. Рахунов (1953 г.) указывает, что эксперт исследует обстоятельства, «за разъяснением которых к нему обратились органы следствия или суд» [23, с. 12], используя для этого известные науке положения или истины, установленные практикой [23, с. 12], для того чтобы вынести суждение о: происхождении или возникновении известных следствию либо суду фактов; связи фактов; фактах, не известных следствию либо суду; наступивших или возможных последствиях [23, с. 13].

Р.Д. Рахунов таким образом в качестве предмета экспертизы называет факты и фактические данные, а объекта — обстоятельства дела и сведения в области

науки, искусства либо ремесла [23, с. 17—33]. М.А. Чельцов и Н.В. Чельцова (1954 г.), высказывая мысль о том, что судебная экспертиза устанавливает значимые для дела факты, в качестве объекта указывают на «обстоятельства дела» [24, с. 17, 21, 23.]. Похожую точку зрения высказывает и А.Р. Шляхов, указывая, что объектом экспертизы являются закрепленные в материалах дела и предусмотренные законодательством источники информации [25, с. 8—9]. Подобное решение предлагал и Г.М. Надгорный (1981 г.): исследование материалов уголовного или гражданского дела для установления фактических данных [26, с. 5]. Отмечено оно и в пособии, подготовленном коллективом авторов в 2002 году [27].

Авторы пособия из Беларуси, изданного в 2006 году, указывают, что эксперт на основе специальных знаний и исследований устанавливает фактические данные (в качестве контекстуальных синонимов указаны факты и обстоятельства), которые и составляют предмет судебной экспертизы, а объектом ее являются материализованные, определенные процессуально источники информации [28, с. 5—7].

Представляется, что такого рода недоопределенность теории факта в судебной экспертизе в своей основе содержит имплицитную позицию авторов относительно наличия и степени созависимости судебной экспертизы и уголовного процесса в доказывании. Прежде всего факты и фактические данные применительно к предмету и объекту судебной экспертизы должны быть разделены на исследуемые экспертом и являющиеся результатом этого исследования. Исследуемые факты и фактические данные характеризуются определенной двойственностью, так как отражены в виде фактических данных в материалах дела и, кроме того, устанавливаются непосредственно и самостоятельно экспертом в ходе проведения исследования. Этот тезис является экспертологическим «зеркалом» ранее выдвинутых аналогичных положений о возможностях познания факта в юридической практике [9; 10, с. 206—208]. Однако применительно к судебной экспертизе это исследование проводится на базе специальных знаний. Структура специальных знаний включает базу сведений, в конечном итоге локализованных в научной, методической, справочной и другой литературе [29; 30]. Отсюда конструкция исследуемых фактов и фактических данных приобретает вид некоей суммы, слагаемыми которой являются: факты и фактические данные, известные эксперту априори, а также предоставленные ему органами следствия либо суда и выявленные им в ходе исследования непосредственно и самостоятельно. В экспертологии подобная структура известна (хотя и недостаточно описана) под названием «исходные данные» [31, с. 86]. Словари основных терминов судебных экспертиз (как общий, так и видовые) указывают на двухкомпонентность исходных данных судебного эксперта: «фактические исходные данные», представленные в материалах дела, указанные в процессуальном документе, инициирующем экспертизу, и различные научные, технические, справочные и другие сведения, необходимые эксперту для проведения исследования и дачи заключения [32, с. 33].

Применительно к рассмотренным положениям возможно определение понятия объекта судебной экспертизы как ее исходных данных. Судебная экспертиза может быть определена как форма использования специальных знаний для целей доказывания наряду с показаниями сторон и свидетелей, документами, вещественными доказательствами и др. При этом понятие «форма» определяется как

способ существования содержания, неотделимый от него и служащий его внешним выражением, а также как способ организации чего-либо и одновременно его осуществления, проявления, выражения [33, с. 1429]. Использование фактов и фактических данных для целей доказывания может быть представлено с содержательной стороны именно в различных вышеуказанных формах, заключающих сущность и объективную основу доказательств, так как доказательством является именно оформленное в высказывании содержание. Для нужд внепроцессуального доказывания (бытового, научного и др.) вполне достаточно констатации формы доказательства с указанием источника: со слов определенного лица, по данным определенного справочника и др.

В правовом дискурсе форма доказательства нуждается в дополнительной процедуре, обеспечивающей легитимацию ее содержания. Законодателем это реализовано в понятии «источник доказательства» (применительно как к материальному, так и материализованному объекту). Оформленные соответствующим и надлежащим образом — в виде заключения эксперта — специальные знания обретают самостоятельный процессуальный статус. Судебная экспертиза формирует именно источник доказательств — заключение эксперта [19, с. 29; 20, с. 84; 24, с. 10, 17; 28, с. 5]. Данная точка зрения имеет существенную поддержку со стороны законодателя, в частности в формулировке ст. 84 Уголовного процессуального кодекса Украины (далее — УПК Украины) и комментариев к нему [34; 35]. По мнению законодателя, заключения эксперта являются одним из четырех процессуальных источников доказательств в уголовном процессе наряду с показаниями, вещественными доказательствами и документами.

Значимой эпистемологической составляющей является практически прямая аллюзия к вышеописанной постнеклассической научной структуре факта. С учетом особенностей частнонаучной трансформации теории факта в правовом дискурсе форма доказательств может быть дифференцирована на преимущественно субъективно нагруженные доказательства (например, показания свидетелей) и преимущественно теоретически нагруженные доказательства (заключение эксперта). Такое различие не меняет статус источника доказательства, однако значимо для оценки их формы: теоретическая нагруженность, по определению специальных знаний, менее очевидна, однако потенциально содержит больше возможностей для ошибок (за счет конкурирования теорий и методологий; различий теоретических принципов, заложенных в методику и технику; конфликтов интерпретаций и др.). Это обстоятельство является существенным доводом в пользу постнеклассической парадигмы в теории доказывания.

Отличающиеся точки зрения могут быть систематизированы следующим образом:

– судебная экспертиза рассматривается как самостоятельный вид доказательств, представляющий собой выводы, основанные на исследованиях, анализах и других подобных действиях [18, с. 12; 21, с. 459; 23, с. 9—11]. Согласно семантическому наполнению понятия «вид», это — классификационная единица в систематике, объединяющая разряд предметов, явлений, обладающих одинаковыми признаками, входящая в состав более общего разряда (рода) [33, с. 129]. Понятие вида доказательств предлагается относить к процессуальным источникам доказательств в качестве контекстуального синонима форм доказательств и

способов доказывания [34, с. 250; 35, с. 226.]. Однако данный подход касается в первую очередь именно материализованной информации. В случае с судебной экспертизой — заключения эксперта — в соответствии с таксономией источника доказательств ст. 84 УПК Украины. В этой связи употребление понятия «вид доказательства» применительно к судебной экспертизе не вполне корректно, а к заключению эксперта обосновано только в тех случаях, когда речь идет о перечислении, разграничении, систематизации источников доказательств;

– судебная экспертиза — процессуальное действие, итогом которого является формирование средства судебного доказывания [25, с. 7; 37, с. 28]. Семантика понятия «средство» представляет его как прием, метод, образ действия для достижения чего-либо, орудие, инструмент либо приспособление, необходимые для осуществления какой-либо деятельности [33, с. 1256]. Применением понятия «средство доказывания» к судебной экспертизе подчеркивается именно прагматически-деятельностный аспект с преимущественным акцентом на ресурсном обеспечении этой деятельности. В силу этого данный термин употребим, скорее, в «техническом» контексте, при описании процедуры формирования системы доказательств, их упорядочивания для наиболее действенного аргументирования, то есть описании деятельности лица, использующего результаты судебной экспертизы. К самой же судебной экспертизе как деятельности и заключению судебного эксперта в качестве ее результата понятие «средство судебного доказывания» малоприменимо;

– судебная экспертиза как способ собирания (создания), исследования и оценки доказательств [15, с. 5—7; 17, с. 66]. Способом принято называть действие либо систему действий, используемых для выполнения определенной деятельности, прием [33, с. 1251]. В этом плане характерно высказывание, описывающее судебную экспертизу как «комплекс действий» [27, с. 3]. В этой концепции актуализируется деятельностный подход в его, пожалуй, наиболее радикальной форме, приводящей к отрыву судебной экспертизы от общеправового здания и обособленности как некоего самостоятельного института. С этим трудно согласиться, так как в качестве самостоятельного познавательного инструмента судебная экспертиза, с точки зрения ее участия в научно-исследовательской деятельности, ничем особенным не выделяется и с легкостью поглощается исследованиями «материнских» наук. С точки зрения онтологической самостоятельности судебная экспертиза, утратив связь с юриспруденцией, оказывается некоей «деятельностью ради деятельности», самовоспроизводящейся и самодостаточной, но лишенной прикладной цели. Существенно, что отличия приводимых суждений в основном касаются формального аспекта представленности судебной экспертизы в доказывании. Само же отношение судебной экспертизы к доказыванию споров не вызывает.

Таким образом, анализ учения о факте в судебной экспертологии приводит к следующему:

– с эпистемологической точки зрения судебная экспертиза представляет собой праксиологию доказывания, формируя как деятельность форму доказательства, а как результат (заключение эксперта) — источник доказательств;

– рассмотрение судебной экспертизы как некоей самостоятельной (отдельной от системы права) конструкции лишено смысла, так как, обретая онтологическую самостоятельность, судебная экспертиза выхолащивается в «деятельность

ради деятельности», а гносеологическая независимость приводит к поглощению ее «материнскими науками»;

– используемые контекстуальные синонимы, описывающие преимущественно деятельностный аспект судебной экспертизы, имеют определенные ограничения в использовании: «вид доказательства» применим к заключению эксперта в тех случаях, когда речь идет о перечислении, разграничении, систематизации источников доказательств; «средство доказывания» употребимо при описании процедуры формирования системы доказательств, их упорядочивания для наиболее действенного аргументирования;

– и предмет, и объект судебной экспертизы содержат понятия «факты» и «фактические данные», которые, будучи различными по генезу и содержанию, за счет фонетического и графического единства создают трудности для различения. Эти трудности могут быть преодолены введением уточнений: «устанавливаемые» — для предмета и «исследуемые» — для объекта. Однако более приемлемым вариантом представляется формирование объекта судебной экспертизы через дистинкции, уже содержащие искомые понятия. Таковым представляется понятие «исходные данные», понимаемое как совокупность фактов и фактических данных об обстоятельствах дела, механизме происшествя и объектах исследования, получаемых судебным экспертом в процессуальном порядке, а также о фактических данных и закономерностях науки, техники, искусства либо ремесла, отраженных в соответствующих источниках информации, используемых судебным экспертом в процессе исследования и формирования вывода;

– заключение эксперта с точки зрения эпистемологии факта в значительной мере является теоретически нагруженным, что создает опасность появления трудно выявляемых ошибок, возникающих за счет конкурирования теорий и методологий; различий теоретических принципов, заложенных в методiku и технику; конфликтов интерпретаций фактов и т. п.

Дальнейшими направлениями исследований в этой области являются: уточнение характеристик судебной экспертизы как праксиологии доказывания; формирование конвенции относительно дефиниций предмета и объекта судебной экспертизы; разработка процедур выявления и элиминации ошибок, связанных с теоретической нагруженностью факта в судебной экспертиз.

Список использованной и рекомендованной литературы

1. Мелков Ю.А. Факт в постнеклассической науке / Ю.А. Мелков. — К. : ПАРАПАН, 2004. — 224 с.
2. Асмус В.Ф. Доказательство / В.Ф. Асмус // Избранные философские труды : в 2-х томах. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1969. — Т. 1. — С. 321—336.
3. Степин В.С. Теоретическое знание / В.С. Степин. — М. : Прогресс-Традиция, 2003. — 744 с.
4. Логика научного исследования / [отв. ред. П.В. Копнин и М.В. Попович]. — М. : Наука, 1965. — 360 с.
5. Попович М.В. Доказательство и смысл теоретических утверждений / М.В. Попович // Актуальные проблемы логики и методологии науки : сбор. науч. тр. ; ответ. ред. М.В. Попович. — К. : Наукова думка, 1980. — С. 50—68.
6. Пирс Ч.С. Рассуждение и логика вещей : лекции для Кембриджских конференций 1898 года / Ч.С. Пирс. — М. : РГГУ, 2005. — 371 с.

7. Чельцов М.А. Уголовный процесс / М.А. Чельцов. — М. : Юрид. изд-во Мин-ва юстиции СССР, 1948. — 624 с.
8. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. — М. : Изд-во Академии наук СССР, 1958. — 704 с.
9. Белкин Р.С. Собираение, исследование и оценка доказательств: сущность и методы / Р.С. Белкин. — М. : Наука, 1966. — 296 с.
10. Теория доказательств в советском уголовном процессе / [отв. ред. Н.В. Жогин]. — М. : Юрид. лит., 1973. — 736 с.
11. Артамонова Е.А. Основы теории доказательств в современном уголовном судопроизводстве : учеб. пособ. для студ. высш. и сред. юрид. образов. учрежд. / Е.А. Артамонова. — М. : Юрлитинформ, 2010. — 168 с.
12. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования : монография / С.А. Шейфер. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Норма : ИНФРА-М., 2014. — 240 с.
13. Михеенко М.М. Кримінальний процес України : підручник / Михеенко М.М., Нор В.Т., Шибіко В.П. — 2-е вид, перероб. і доп. — К. : Либідь, 1999. — 536 с.
14. Белкин Р.С. Криминалистика. Общетеоретические проблемы / Р.С. Белкин, А.И. Винберг. — М. : Юрид. лит., 1973. — 264 с.
15. Галкин В.М. Соотношение заключения эксперта с другими средствами доказывания в уголовном процессе / В.М. Галкин. — М. : ВНИИСЭ, 1971. — 48 с.
16. Назначение и производство судебных экспертиз (пособие для следователей, судей и экспертов) / [ответ. ред. Г.П. Аринушкин, А.Р. Шляхов]. — М. : Юрид. лит., 1988. — 320 с.
17. Основы судебной экспертизы. Часть I. Курс общей теории / [отв. ред. Ю.Г. Корухов]. — М. : РФЦСЭ МЮ РФ, 1997. — 430 с.
18. Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве: науч. изд. / Ю.К. Орлов. — М. : Изд-во Ин-та повыш. квалиф. Рос. Федер. центра судеб. эксп., 2005. — 264 с.
19. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е.Р. Россинская. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, 2008. — 688 с.
20. Россинская Е.Р. Теория судебной экспертизы: учебник / Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. — М. : Норма, 2009. — 384 с.
21. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории / Т.В. Аверьянова. — М. : Норма, 2007. — 480 с.
22. Назначение и производство криминалистических экспертиз (пособие для следователей и судей) / [отв. ред. Аринушкин Г.П., Винберг А.И., Шляхов А.Р.]. — М. : Юрид. лит., 1976. — 296 с.
23. Рахунов Р.Д. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе / Р.Д. Рахунов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Госюриздат, 1953. — 263 с.
24. Чельцов М.А. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе / М.А. Чельцов, Н.В. Чельцова. — М. : Госюриздат, 1954. — 279 с.
25. Шляхов А.Р. Судебная экспертиза: организация и проведение / А.Р. Шляхов. — М. : Юрид. лит., 1979. — 168 с.
26. Судебные экспертизы (возможности, подготовка материалов, назначение, оценка) / [отв. ред. С.И. Рудик]. — К. : РИО МВД УССР, 1981. — 412 с.
27. Зинин А.М. Введение в судебную экспертизу / Зинин А.М., Омелянюк Г.Г., Пахомов А.В. — М. : Изд-во Моск. психолого-соц. ин-та ; Воронеж: изд-во НПО «МОДЭК», 2002. — 240 с.
28. Подготовка и назначение судебных экспертиз (пособие для следователей, судей и экспертов) / [отв. ред. А.С. Рубис]. — Минск : Право и экономика, 2006. — 310 с.
29. Шепитько В.Ю. Проблема использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве / В.Ю. Шепитько // Вибрані твори. — Харків : Видавнича агенція «Апостиль», 2010. — С. 491—493.

30. Седнев В.В. Методологічні проблеми застосування спеціальних знань у судовому провадженні / В.В. Седнев // Методологічні проблеми криміналістики і судової експертизи: монографія ; за заг. ред. О.М. Моїсеєва. — Донецьк : Вид-во «Ноулідж» (донецьке відділення). — С. 50—125.

31. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия / Р.С. Белкин. — 2-е изд., доп. — М. : Мегатрон XXI, 2000. — 334 с.

32. Словарь основных терминов судебных экспертиз / [ответ. ред. засл. деятель науки РСФСР, докт. юрид. наук, проф. А.И. Винберг, докт. юрид. наук А.Р. Шляхов, докт. юрид. наук А.А. Эйсман]. — М. : ВНИИСЭ, 1980. — 92 с.

33. Большой толковый словарь русского языка / [автор и руководитель проекта, составитель, гл. ред. С.А. Кузнецов]. — СПб. : Норинт, 1998. — 1536 с.

34. Кримінальний процесуальний кодекс України. Науково-практичний коментар : у 2-х т. / [за заг. ред. Тація В.Я., Пшонки В.П., Портнова А.В.]. — Харків : Право, 2012. — Т. 1. — 768 с.

35. Кримінальний процесуальний кодекс України. Науково-практичний коментар / [за заг. ред. професорів Гончаренка В.Г., Нора В.Т., Шуміла М.Є.]. — К. : Юстініан, 2012. — 1328 с.

36. Кримінальний процесуальний кодекс України. Науково-практичний коментар / [відп. ред. Ківалов С.В., Міщенко С.М., Захарченко В.Ю.]. — Харків : Одиссей, 2013. — 1104 с.

37. Майлис Н.П. Руководство по трасологической экспертизе / Н.П. Майлис. — М. : Изд-во «Щит-М», 2010. — 344 с.